

Я — никто. Просто светлый силуэт, в этот вечер, на террасе кафе. Не успел Хютте уйти, как хлынул дождь, настоящий ливень, и мне пришлось его переждать.

За несколько часов до этого мы с Хютте в последний раз встретились в Агентстве. Он сел, как всегда, за массивный письменный стол, но пальто не снял, и поэтому действительно чувствовалось, что он уезжает. Я сидел напротив него в кожаном кресле, предназначенном для клиентов. Яркий свет лампы с абажуром из опалового стекла бил мне прямо в глаза.

— Ну что, Ги... Вот и все... — вздохнул Хютте.

На столе валялась папка. Может, с делом того черноволосого коротышки с растерянным взглядом и отечным лицом, который

поручил нам следить за своей женой. Во второй половине дня она встречалась с другим черноволосым коротышкой с отечным лицом в мебелированных комнатах на улице Виталь, недалеко от авеню Поль-Думер.

Хютте задумчиво поглаживал коротко подстриженную седеющую бородку, которой заросли его щеки. Большие светлые глаза смотрели отрешенно. Слева от стола стоял плетеный стул, на котором я сидел, когда работал. За спиной Хютте почти полстены занимали стеллажи темного дерева с ежегодниками Боттена, телефонными и прочими справочниками за последние пятьдесят лет.

Хютте часто говорил мне, что это для него незаменимое подспорье — без них он как без рук. И что ни одна библиотека не содержит столько ценных и волнующих сведений, ибо на страницах этих справочников можно обнаружить следы давно исчезнувших людей и обстоятельств их жизни — следы целых миров, о которых могут поведать они одни.

— Что вы собираетесь делать со всеми этими Боттенами? — спросил я Хютте, обводя полки широким жестом.

— Да ничего, Ги. Я хочу оставить за собой помещение.

Улица Темных Лавок

Он окинул кабинет быстрым взглядом. Двустворчатая дверь в соседнюю комнату была распахнута, и я видел стоявший там потертый бархатный диван, камин и зеркало, в котором отражались ряды адресных книг, справочников и лицо Хютте. Клиенты обычно ждали приема в этой комнате. Паркет был покрыт персидским ковром. На стене у окна висела икона.

— О чем вы думаете, Ги?

— Ни о чем. Значит, вы сохраните за собой помещение?

— Да. Я собираюсь время от времени приезжать в Париж и хотел бы останавливаться здесь.

Он протянул мне портсигар.

— Думаю, будет не так грустно, если ничего тут не трогать.

Мы проработали вместе больше восьми лет. Хютте создал Агентство частного сыска в 1947 году, и до меня у него сменилось немало сотрудников.

Мы сообщали нашим клиентам интересующие их подробности «светской хроники», по выражению Хютте. Ведь наши отношения с клиентами, любил он повторять, это отношения «людей светских».

— Вы считаете, что сможете жить в Ницце?

Патрик Модуано

— Ну конечно.

— И не будете там скучать?

Он выдохнул сигаретный дым.

— Надо же когда-то уйти на покой.

Он тяжело поднялся. Хютте весил, наверное, более ста килограммов и был почти двухметрового роста.

— Поезд отходит в двадцать пятьдесят пять. Успеем еще выпить по рюмочке...

Я пошел за ним по коридору в прихожую. Она была странной овальной формы, с выцветшими желтоватыми стенами. На полу стоял набитый доверху черный портфель, — его даже не удалось закрыть. Хютте поднял его.

Он нес портфель под мышкой, придерживая другой рукой.

— У вас нет вещей?

— Я все отправил багажом.

Хютте открыл входную дверь, и я погасил свет в прихожей. На площадке он чуть помедлил, прежде чем захлопнуть дверь, и от металлического щелчка у меня екнуло сердце. Звук этот отмечал конец долгого периода моей жизни.

— Тоска берет, а, Ги? — сказал Хютте и, вынув из кармана пальто большой носовой платок, вытер лоб.

Улица Темных Лавок

На двери все еще висела прямоугольная табличка черного мрамора, на которой было выведено блестящими золотыми буквами:

К.М. ХЮТТЕ

Частное сыскное агентство

— Пусть висит, — сказал Хютте и повернул ключ в замке.

Мы пошли по авеню Ньель к площади Перейр. Уже совсем стемнело. Несмотря на начало зимы, воздух был теплым. Дойдя до площади, мы сели за столик на террасе кафе «Гортензия». Хютте любил это кафе, потому что там были плетеные стулья, как в прежние времена.

— А вы-то что будете делать, Ги? — спросил он, отпив глоток коньяка, разбавленного водой.

— Я? Пойду по следу.

— По следу?

— Ну да. По следу своего прошлого.

Я произнес эту фразу торжественным тоном, и он улыбнулся.

— Я всегда верил, что в конце концов вы отыщете свое прошлое.

Теперь он был серьезен, и это меня тронуло.

Патрик Модуано

— Но видите ли, Ги, я спрашиваю себя, стоит ли его искать...

Он замолчал. О чем он думал? О собственном прошлом?

— Вот вам ключ. Заходите туда. Мне будет приятно.

Он протянул мне ключ, и я сунул его в карман.

— Позвоните мне в Ниццу. Я хочу быть в курсе... ваших поисков...

Он встал и пожал мне руку.

— Я провожу вас?

— О нет, нет... Слишком печальный ритуал...

Он стремительно, не оглядываясь, вышел из кафе, и я ощутил какую-то пустоту в душе. Этот человек многое значит для меня. Неизвестно, что стало бы со мной без него, без его помощи десять лет назад, когда я был внезапно поражен амнезией и жил, словно блуждая в тумане. Его тронула моя судьба, и благодаря многочисленным связям ему удалось даже раздобыть мне документы.

— Вот держите, — сказал он, протягивая мне большой конверт с удостоверением личности и паспортом. — Вас теперь зовут Ги Ролан.

Улица Темных Лавок

И Хютте, сыщик, к которому я обратился с просьбой разыскивать свидетелей или хотя бы следы моей прошлой жизни, добавил:

— Дорогой мой Ги Ролан, с этой минуты перестаньте оглядываться назад, думайте о настоящем и будущем. Я предлагаю вам работать со мной.

Он почувствовал ко мне симпатию потому, наверное, — я узнал об этом лишь какое-то время спустя, — что его собственные следы тоже оборвались и целый кусок жизни мгновенно провалился, не оставив никакой зацепки, ни малейшей путеводной нити, которая могла бы хоть как-то связать его с прошлым. И правда, что может быть общего между этим изможденным стариком в поношенном пальто, который уходил от меня в ночь с большим черным портфелем под мышкой, и бывшим теннисистом, белокурым красавцем — остзейским бароном Константином фон Хютте?

2

— Алло! Месье Поль Зонахидзе?

— Он самый.

— Это Ги Ролан... Помните, я...

— Как же, конечно помню! Мы можем увидеться?

Патрик Модуано

— Конечно...

— Давайте вечером, ну, скажем, в девять, в баре на Анатоль-де-ла-Форж... Устроит?

— Договорились.

— Жду вас. Пока.

И он тут же повесил трубку; от волнения у меня по вискам струился пот.

Перед тем как набрать номер, я выпил коньяка для храбрости. Ну почему даже такой пустяк, простой звонок по телефону, стоит мне мучительных усилий и напряжения?

В баре на Анатоль-де-ла-Форж было пусто, он стоял за стойкой, но не в куртке бармена, а в пиджаке.

— Как удачно вышло, — сказал он. — По средам я вечером не работаю.

Подойдя, он положил руку мне на плечо.

— Я много думал о вас.

— Спасибо.

— У меня из головы не выходит ваша история...

Я хотел ему сказать, чтоб он так уж за меня не переживал, но не смог выдать из себя ни слова.

— Теперь мне кажется, что вы иногда появлялись с кем-то, кого я часто видел в то время... Но с кем именно... — Он покачал головой. — Может, вы мне подскажите?

Улица Темных Лавок

— Нет.

— Почему?

— Я ничего не помню, месье.

Он принял это за шутку и сказал, словно играл со мной в какую-то игру или отгадывал загадку:

— Ладно. Сам справлюсь. Вы предоставляете мне свободу действий?

— Как скажете...

— Тогда поехали ужинать к моему другу.

Перед тем как выйти, он резким движением отключил электрический счетчик и запер на несколько оборотов массивную деревянную дверь.

Его машина стояла на другой стороне улицы. Черная, новая. Он предупредительно распахнул передо мной дверцу.

— Мой друг держит очень милый ресторанчик, как раз на границе Виль-д'Авре с Сен-Клу.

— И мы поедем в такую даль?

— Да.

С улицы Анатоль-де-ла-Форж мы свернули на авеню Гранд-Арме, и мне вдруг захотелось выскочить из машины. Я чувствовал, что не в силах ехать в Виль-д'Авре. Но надо было взять себя в руки.

На всем пути до Порт-Сен-Клу я пытался побороть душивший меня панический